

Кагда при немцы малец хадил, пленные хадили, и мы как рас, шшэ я дефкай б́ыла, ну хуть ужэ... настояшшая дефка, при немцэ-та ужэ не маладая.

А Миконихыных вот там за рякой Лёлька... маладая, ана фсё ка мне хадила, учыла я яну вязать. Кофту я хуть какую свяжу, эта... кружава, вязёнки я свяжу. И я связала кофту таким рисуначкам, красивая кофта. И яна захатела, ана хадила фсё ка мне учицца. И яну, полный день сидела ана, не заучыцца никак. И яна гаварит (а мне нада была, эта ужэ папа умершы, хвараст рубить на улице в Вяликим пасту перяд Паской).

А пленных-та многа хадило у нас тагда, наших-та. Бывала, к нам придуть, мы кармили, а рас сем челавек пришли, што мы кармили. Мясишка была, мяса фсё сваё. И как-та я гаварю... ужэ признакомифшы, а Канонавы пускали их начавать, пленных этих, нашы – так каво ш. Ну, вот я гаварю: «Сявонни, тяперь мяса фсё, только прастакиша да малако». – «А разве ето не яда?». А я гаварю: «Я счытаю, б́яз мяса – ета не яда». Папа-та умер, мы с сястрой-та вдваих жыли, так дяржали парасёнка, дяржали авец, тьялёнка осенью зарежыш, мясишка-та и была нам на дваих.

Ну вот, сидя, а патом я гаварю: «Ну, садитесь тагда, только, ето, мяснова ничаво нету». Сидя, а патом я гаарю: «Вот вас карми-карми, а вон, – я гаварю, – как Малашка расказывала, што вы курят... хуть и там... пленные, курят с нашэсти ночью». А сидя и гаваря: «Вы ня бойтеся, к вам мы не пайдём, вы нам фсё скармили и так. Мы идём к таму, хто хлеба кусок не даё, мы и бярём у таво». Што свой челавек, а не паткармливае. Ну вот, у Малашки-та курят, стала быть, пленные-та взяли, сколька, два пленных, ета ужэ на святу, яна видела, и яна пагналася за курятам. Яны вот там за Калакалёвым, Малаткóсьски горы к Хваёнке туды. Она до Малаткóсьских гор, а яны, гаваря, сели: «Иди, иди сюды, иди сюды» (на гóру-та не пашла) «Иди сюды, мы пашчытаемся с табой». Гаварю, убили бы и фсё. Что иш з-за

куриц бяжала да Малаткóсьских гор. Ну вот, а еты-та... А, бывала, станеш эта авец заганять, такой был небальной какой-та пленный, и глядять, где двери, и глядять. Была страшна, думаеш, ночью жыли вроде вдваих, но што... двери зная, как. Вот я гаварю: «Вас карми-карми, а вы, – я гаварю, – патом и влезете и унесёте авец или курят».

«Не бойтеся, к вам не пайдём, вы нам так скармили фсё. Мы ат таво берём, хто нам хлеба баицца дать».

Так вот ета здеся фсё были астафшы внуки, так вот в нас лична, ф самих была карава.